

Глава 24: Почерк... Весьма Необычный

Госпожа Бай Юй являлась одной из Старейшин Секты Лянцзи.

Фамилия Госпожи Бай Юй была Байюй, а ее имя – Фэньюэ. Ученики должны были уважать ее как Старейшину Фэнхуа из-за ее достижений в уничтожении демонов.

Но Бай Юймин, отринув все формальности, назвал имя госпожи, мгновенно повысив свой статус. Независимо от мыслей других людей, Бай Юймин все же стал ни кем иным, как Старейшиной Юэдэ.

Для начала Бай Юймин повторил, что уже принял к себе внутреннего ученика, положив тем самым конец заблуждениям этих двух учеников, после чего восхвалил себя за свою величайшую доброту, проявленную им в прошлой жизни и принесшую ему великие дары в этой. Тем самым указывая своими словами на то, сколько грехов в свою очередь совершили эти два жалких ученика в прошлой жизни, что до сих пор не смогли отыскать для себя учителя в этой.

Бахвалиться своей принадлежностью к человеческому роду, являясь при этом никем, в сравнении с кроликом-демоном Бай Юймином.

Мо Шулинь почти не узнал Бай Юймина, внимательно вглядывающегося в этих двух учеников своим тяжелым взглядом демонического культиватора.

Независимо от того, поняли ли два ученика или нет, из-за личности Бай Юймина им пришлось притвориться непонятливыми, и с довольной улыбкой сказать, что слова, произнесенные этим старейшиной, были очень правильными.

Видя, как они смиряются и преклоняют колени, Мо Шулинь не мог припомнить на своей памяти, чтобы Бай Юймин так злился.

Безусловно наблюдение за тем, как с других сбивают спесь, всегда было весело.

Из-за этого эпизода Бай Юймин не стал сдавать никаких заданий и отвел Мо Шулиня в отдельную комнату, бросив пару вежливых слов на прощание, чтобы выбрать еще несколько задач. Как старейшина, Бай Юймин мог выполнять больше миссий. Даже не завершив предыдущие задачи, он мог смело брать новые.

— Как раздражающе, – Бай Юймин был раздосадован, когда подумал, что за все то, над чем он так усердно работал в течение месяца, не получил ни одного камня духа.

За особые задания можно было взяться, пройдя в отдельное помещение, где также находился ответственный человек за раздачу миссий с особой меткой. С одной стороны, Бай Юймин не

мог просто так взять и уйти, а с другой стороны, он мог за одним проверить задания с учеником.

И все ради того, чтобы сохранить свое лицо*. Иначе он станет себя винить в своей несостоятельности как старейшины, который не может взять на себя никакой тяжелой задачи.

— Учитель, не могли бы вы пояснить? – неуверенно спросил Мо Шулинь.

Он считал, что Бай Юймин, все время прятаясь на своей горе, не сможет понять сладкоречивых людей, прятаясь за пазухой меч*.

(П.п.: 口蜜腹剑 (kǒumì fùjiàn) – на устах мед, а за пазухой меч; обр. на языке мед, а в сердце лед; двуличный)

— Что мне тут пояснять. Один из них похвалил меня как известного учителя, сказав, что я хороший мастер. Другой же начал наговаривать про твою с ним общую судьбу, но я так совершенно не считаю, тебя с ним ничто не роднит, и он просто хотел влиться в ряды внутренних учеников, – произнес это, Бай Юймин почувствовал скуку.

— Без твердого «нет» ты продолжишь морочить их головы. А если вежливо откажешься, можешь прослыть интриганом.

— Если продолжишь притворяться великодушным, то придется взять за них ответственность, чтобы сохранить свое лицо. Покажи они какие-нибудь другие методы, возможно, другие мастера, не заметив ничего странного, приняли бы их.

Подобные умозаключения учителя сильно удивили Мо Шулиня.

— Я особо выделил внутреннего ученика, чтобы они ничего от меня не ждали, – Бай Юймин не желал дискриминировать внешних учеников. Просто ученикам с большими амбициями требовался учитель подстать.

Он же являлся неподходящей кандидатурой.

— В будущем учитель больше не будет принимать учеников?

Мо Шулинь с нетерпением ждал ответа.

— Не обязательно, – эти слова породили некое неприятное чувство в душе Мо Шулиня, после чего он услышал следующее:

— Но маленький храм не может вместить Большого Будду, а мое бедное жилище не примет склонных к соперничеству учеников.

Неужели Бай Юймин журил его? Следовательно, он и Бай Юймин, ленивый и не любящий экономить деньги демон-кролик, – разные люди.

Но это нормально.

— Учитель, я все еще не понимаю, – Мо Шулинь посмотрел на Бай Юймина, прежде чем продолжить, – Поскольку вам ясны амбиции двух учеников, то ясны ли вам амбиции Старейшины Шангуань?

Увидев, слегка нахмурившееся лицо Бай Юймина, Мо Шулинь поспешно объяснил:

— Этот ученик вовсе не желал плохо говорить о Старейшине Шангуань. Этот ученик лишь подумал, что Старейшина Шангуань совсем немного чересчур полон энтузиазма.

Позиция Бай Юймина могла выдержать энтузиазм Шангуань Чжуцина. Независимо от того, насколько хорошо притворяются другие, они всегда будут дискриминировать демонических культиваторов. Но в глазах Шангуань Чжуцина не виднелось презрение, что было очень ненормально.

— Естественно, – сделав глоток чая, Бай Юймин опустил голову, чтобы скрыть эмоции в своих глазах.

Пусть Шангуань Чжуцин и проявлял излишнее дружелюбие, но он все же был не из тех, кто пытался бы лезть в его дела.

Ему казалось, что Шангуань Чжуцин в его лице видел другого человека. Возможно весьма важного для Шангуань Чжуцина человека, которого уже не было с ним рядом, поэтому мужчина и проецировал на нем свои чувства. Любовь к человеку распространяется даже на ворон на его крыше*, которые относятся к нему немного лучше.

(П.п.: 爱屋及乌 (ài wū jí wū) – то есть когда любишь человека, ты принимаешь в нем все: его интересы, желания, мечты, страхи, слабости и недостатки; иные интерпретации: любишь меня, люби и мою собаку; любить не только дом, но и ворон на его крыше)

Познавательная минутка:

История возникновения данной фразы 爱屋及乌 (ài wū jí wū)

Однажды правитель государства Чжоу спросил у своих чиновников совета по поводу

обращения с военнопленными. Один чиновник сказал: «Я когда-то слышал, если ты любишь кого-то, то ты должен любить даже воронов на крыше его дома. Если ты ненавидишь кого-то, ты ненавидишь даже стены и заборы его дома. Военачальники были врагами, сражающимися против нас. На мой взгляд, нам лучше убить их всех».

Правитель не согласился с ним: «Я думаю, что мы должны относиться к военнопленным по-разному, различая тех, кто виновен, а кто нет. Виновные будут приговорены к смерти, чтобы избежать будущих бедствий».

Другие чиновники также выдвигали свои предложения, но не смогли своими помыслами удовлетворить правителя. И вот один из них произнес: «Ваше величество, я думаю, что все заключенные должны быть освобождены и отправлены обратно домой, чтобы работать на полях и обеспечивать себя своим собственным трудом. Более того, вы должны строго соблюдать правила вознаграждения и наказания и относиться к их родственникам и друзьям беспристрастно. Люди обязательно поверят в вас, если вы будете управлять нашей страной моралью и законами».

Правителю пришлось по душе это разумное предложение, он принял и последовал ему. В результате, внутренняя ситуация разрешилась и государство постепенно стало более стабильным и сильным.

Источник: https://daojiao.ru/index.php/Любишь_меня,_люби_и_мою_собаку_□□□□

Бай Юймин чувствовал, что от старейшины исходило некое семейное тепло, в котором чувствовалось немного больше заботы, чем дружбы, и немного больше дистанции, чем привязанности. Вполне вероятно, что этот человек занимал более низкое положение в сравнении с Шангуань Чжуцином, по всей вероятности, он был его младшим братом, поэтому тот так сильно отреагировал, услышав, что его называют братом Шангуань.

Но семья Шангуань изобиловала наследниками, так что кто знал, какой это был младший брат. У Бай Юймина на этот счет не имелось никаких мыслей.

А спросить он просто-напросто не мог. С одной стороны, все эти мысли основывались лишь на догадке Бай Юймина, а с другой – это было лишь иллюзорное чувство подобное миражу, которое когда-нибудь рассеется.

Бай Юймин ничего не должен Шангуань Чжуцину, все торгуют честно. Он легко избавился от мыслей о нем.

В свою очередь Мо Шулинь долго ждал ответа, пока не осознал, что Бай Юймин не желал продолжать этот разговор, поэтому он не стал больше ничего спрашивать, а продолжил выбор заданий.

Если Бай Юймин смог добраться до стадии Махаяны, и даже не будь он при этом злостным

интриганом, по крайней мере, он должен знать, как избежать помех на своем пути, Мо Шулинь сильно недооценивал своего учителя.

Взяв задание, он вышел и столкнулся с бежавшим впопыхах Е Цинлином.

Юноша, увидев выходящего из отдельной комнаты Бай Юймина, сразу же поклонился, сказав:

— Старейшина Бай, вы уже закончили? Я глубоко сожалею, что не смог уделить вам должного внимания, заботы поглотили меня, я немедленно все устрою.

Бай Юймин хотел удалиться, сославшись на свою занятость, но мысли о предметах в пространственном мешочке, которые не были разменяны на камни духа, остановили его.

Он эвфемистически произнес:

— Почти. В наши дни внешние ученики прямо полны энтузиазма, мне уже тяжело подобное выносить. Найдутся ли здесь какие-нибудь ученики, не проявляющие такого яркого энтузиазма, которые смогут мне помочь проверить выполненные задания?

Выражение лица Е Цинлина не изменилось, хотя он прекрасно понял, что имел в виду старейшина.

Энтузиазм в основном связан с интересами, и Бай Юймин сказал это потому, что сегодня он столкнулся с учениками, желавшими подняться, улучшив отношения с ним.

Подобное называлось наводить мосты. Связи многое значат в жизни людей, благодаря им можно выстлать для себя множество путей, один из которых однажды сможет привести тебя к вершине, так что любой был бы доволен, установив хорошие связи. Однако Бай Юймин был замкнутой личностью, и он не любил общаться с незнакомцами, поэтому подобное воодушевление, исходящее от других, становилось для него обузой.

— Это недоразумение. Ранее я отвечал за тот пункт, так что вы вполне можете доверить мне осмотр ваших предметов. Не знаю, согласится ли Старейшина Бай.

Улыбнувшись, Е Цинлин пригласил Бай Юймина вернуться.

— Спасибо, - Бай Юймин подумал, что Е Цинлин был действительно хорош.

Юноша был не просто добрым, но он также прекрасно знал, когда стоит уступить, а когда - надавить. Именно поэтому Бай Юймин не был против завести с ним дружбу.

Вернувшись в отдельную комнату, Бай Юймин достал вещи и объяснил:

— Эта кипа - талисманы, очищающие сердце.

Е Цинлин почувствовал, исходящий восторг и нетерпение от старейшины Бая, который начал свои объяснения. Раньше он часто осматривал вещи других старейшин, которые обычно раскладывали предметы без слов, как старые дядюшки.

Мо Шулинь взглянул на Е Цинлина, вытянувшего самый уродливый талисман, и поджав губы, поспешно подавил улыбку, стараясь не моргать, желая увидеть выражение лица Е Цинлина, когда он раскроет его.

Е Цинлин не особо задумывался над странным выражением лица Мо Шулиня.

Почувствовав духовную энергию талисманов в своей руке, Е Цинлин был поражен до глубины души, он никак не мог не похвалить:

— Духовная энергия столь чиста и сильна, просто прекрасно.

— Но почерк..., - раскрыв и увидев кривые линии иероглифов, Е Цинлин резко замолк. Из-за пристального взгляда Бай Юймина он выдавил из себя два слова, - Весьма необычный.

<http://bllate.org/book/13041/1150675>